

От автора

Я хотела понять, как человек строит новый дивный мир в пространстве всего лишь одной черепной коробки. Как этот дивный мир затем расплзается и прорастает в чужую реальность. Рассказать о минутах радости, когда хотя бы паре людей удастся синхронизировать все, что они понастроили, рассадили. И о чуде человеческих надежд и побуждений.

Эти рассказы будут интересны каждому, кто любит неожиданные концовки, кто любит залезать в чужие головы, кому кажется, что он одинок и какие-то вещи происходят только и исключительно с ним.

Чужие истории — удобный инструмент самопознания, ведь чувства, которые ты приписываешь персонажу, скорее всего, принадлежат лишь тебе.

Что я имею в виду? Например, рассказ «Предложение». Когда я читала его вслух подписчикам, кто-то переживал за героя, ведь им казалось, что он, то есть герой, преодолевает

Юлия Тайнанова

все препятствия во имя большой любви. А решил, будто все преграды — лишь метафора для подсказок вселенной, что принятое им решение неверно и на самом деле он ничего этого не хочет...

Но героя не существует. Герой каждого рассказа — это ты.

За все надо платить

Я открыл глаза, улыбнулся и пошел умываться. Отражение в зеркале подмигнуло:

— Тебе предстоит прожить один из лучших дней в жизни!

— Знаю, — игриво ответил сам себе.

Еще бы, ведь сегодня я отправлюсь в научную экспедицию, о которой так долго мечтал!

Закинув вещи в багажник своего внедорожника, решил зайти в магазин. Выезжать пока что рано. Прибыть на место встречи первым и маяться в ожидании коллег... нет, лучше магазин. Вдруг я что-то забыл докупить?

Побродив между полок, взял бутылку минеральной воды — было жарко. Около кассы стояла пожилая женщина, которая все выкладывала и выкладывала будущие приобретения из тележки, казавшейся бездонной. В ожидании я стал рассматривать обложки журналов.

Мой взгляд зацепила фотография красивой женщины. Я взял «ее» и стал изучать более внимательно. Будто из ниоткуда рядом с глянцевыми роскошными волосами появилась пухлая женская рука в родинках и пигментных пятнах. Я отметил про себя, что ногти пора бы и под-

стричь, проследил взглядом до сдобного плеча и уперся в лицо. Оно мне улыбалось.

Это была женщина с бездонной тележкой.

— Сынок, как ты похож на моего Витю! — начала она тихим, будто убаюкивающим голосом. — И глазки-то у тебя такие же, голубые, и ростом Витя был ровно с тебя, то есть выше матери на целую голову! — последовал мягкий толчок в плечо.

Я смотрел на эту чудную бабуся и не знал, как реагировать. Тот факт, что я похож на ее сына, конечно, занимателен, но все же мне становилось неловко. Впрочем, она не оставила мне много времени на размышления и продолжила:

— А ушки-то, вон, посмотри, такие же маленькие, аккуратненькие, прямо как у моего сыночка. — Тут она дотянулась до моей мочки и стала перебирать ее пальцами, будто что-то солила, что было совсем неприятно, так как я ощущал, какие у нее грубые шершавые пальцы. Но я не успел даже сделать соответствующее выражение лица, так как пожилая женщина начала плакать.

— Жаль, умер Витька несколько лет назад, а я так по нему скучаю! — Она плакала очень тихо, спокойно, будто и не плакала вовсе, а слезы сами по себе катились по щекам. На слове «скучаю» она улыбнулась мне, словно просила прощения за свою несдержанность.

Мне стало ее жалко. Эти старые руки, шершавые пальцы, довольно неопрятный вид в целом придавали моей жалости какие-то особые

пряные нотки, как будто кто-то пощекотал душу перышком.

— Знаешь, больше всего мне не хватает, чтобы кто-нибудь называл меня мамой.

К этому моменту мои брови уже сложились домиком, лицо выражало глубокое понимание этой непростой жизненной ситуации, или, по крайней мере, мне так казалось. Я не нашел ничего лучше, кроме как сочувственно кивнуть, поджав губы.

— Не сложно тебе будет, когда я отойду от кассы, крикнуть мне вслед: «Пока, мама!»?

Нет, мне, конечно, не сложно. Я уже преисполнился теплом и заботой к этой убогой женщине, теплом и умилением, и даже некоторой симпатией к ее сыну Витьке, на которого был так похож. Пока мне пробивали воду, я обернулся и со всей нежностью, на которую только был в тот момент способен, прокричал ей вслед: «Пока, мама!» Она помахала мне рукой и исчезла за стеклянными дверьми.

С чувством глубокого удовлетворения я начал доставать деньги из кошелька. Делать добрые дела всегда приятно. Помню, еще в школе я выдвинул теорию, что любой вид бескорыстной помощи на самом деле проявление эгоизма. Потому что тому, кто делает что-то хорошее безвозмездно, самому на душе приятно, согласитесь? Получается, что ты сам себе делаешь хорошо, а это уже никакое не бескорыстие. Просто есть люди, которым от доброго поступка хорошо на душе не делается, и они их не совершают. А те, кто якобы без всякой причины помогают

людям, удовлетворяют прежде всего себя. Когда в сериале «Друзья»¹ герои поспорили, что не найдут ни одного благородного поступка, от которого бы тому, кто его совершал, не стало бы хорошо, я вспомнил школьную теорию и мысленно похвалил себя за проницательность.

В общем, мне было приятно сделать другому человеку хорошо.

— С вас три тысячи сто сорок один рубль, — пробурчала кассирша.

— Дороговатая у вас вода, девушка, — улыбнулся я ей.

— Вода как у всех, а счет большой, потому что мама ваша немало купила.

— Какая мама?

— Но вы же только что с ней попрощались! Она сказала, что сын за нее заплатит.

— Да какая она мне мама? Я в первый раз вижу эту женщину! Да я..! — Я задышался от возмущения. Мой мозг отказывался понять, что произошло. Ему было сложно так быстро перейти от жалости и самолюбования к вселенскому негодованию. Негодованию, лишавшему способности говорить.

Недобрым взглядом посмотрел я на выход, где, конечно, уже никого не было.

«За все надо платить», — подумал я и достал три тысячи сто сорок один рубль.

¹ Ситком «Друзья», повествующий о жизни шестерых друзей, выходил с 1994 по 2004 год. Признан одним из лучших комедийных сериалов в истории американского телевидения.

Надежды

— Что же это может быть? — размышлял молодой человек одним весенним днем по дороге на почту. Он привык получать десятки электронных сообщений ежедневно, но сегодня случилось маленькое чудо. Кто-то впервые написал ему настоящее бумажное письмо.

Холод запускал ножи то в правый, то в левый бок, и парень застегнул молнию на пуховике.

Письмо заставило его испытать то, что он давно уже не испытывал: приятное волнение. Он шел и думал о том, кто же ему написал. Может быть, пришел ответ из университета в Лондоне?

И вот молодой человек уже прогуливался вдоль Темзы в свободное от учебы время и ежедневно отправлялся в Сити на престижную практику. А там и кожаный диван в личном кабинете, и секретарша приносит кофе по первому зову.

— Сегодня в одиннадцать совет директоров.

— Перенесите, мой астролог не советует принимать серьезные решения до полудня, — и холеная рука взмахом приказывает удалиться, а затем погружается в шуршащее царство утренних газет.

— Господин директор, вам пришло приглашение на чай от королевы.

— Положите на стол. — Холеная рука гладит плотную бумагу с выпуклым гербом.

Или нет. Парень заменил воображаемый слайд в воображаемом проекторе и начал показывать самому благодарному зрителю на свете — самому себе — совсем другую историю. Историю из американских фильмов, когда счастливые родители с заговорщическим взглядом вручают обожаемому чаду конверт.

— Вскрывай!

— О нет, я не могу, давайте вы...

В пакете, наверное, целая стопка разноцветных бумаг с картой территории и программой факультативов.

— Хотя нет. — Парень беспощадно вырвал шнур проектора из розетки, и экран погас. Он вспомнил, что результаты поступления еще не должны объявлять. — Это что-то другое, — с этими словами он «завис» на несколько секунд, держа штепсель в руке, но потом решительно воссоединил его с розеткой. Экран вновь заработал. Кадры стали быстро сменять друг друга. Вот девица из летнего лагеря пишет нашему герою о том, в чем боялась признаться тет-а-тет. Щелк. Тайная поклонница вдыхает аромат срезанной у него тайком пряди волос и кладет в белый конверт. Щелк. Рукопись, что он послал пару месяцев назад в толстый журнал и про которую давно забыл, читает седовласый эксперт. Потом хватается за белоснеж-

ную бородку, снимает очки, поднимает руки и вскрикивает: «Наконец-то!» Коллеги вздрагивают, бегут спрашивать, что случилось, дерутся за возможность прочитать рукопись первыми. Потом решают сделать срочный перерыв и за чаем с баранками обсуждают самые интересные, спорные места.

— А вот эта шутка, нет, ну удалась же!

— Как подмечает остро, а такой молодой...

— И вы еще говорите, наш век не рождает таланты...

Молодой ассистент редакции уже завидует ему, ненавидит его, но бежит на почту с письмом-просьбой-приказом: «Вы, молодой человек, просто обязаны немедленно явиться в редакцию и освещать своим талантом каждый выпуск нашего журнала!»

В подмышках неприятно закололо, он почувствовал запах собственного дезодоранта и опять развел железные тропинки молнии.

Теперь воображение унесло его далеко, в Северную Европу, где он во фраке с благодарностью отзывается о том седом эксперте: «С этого начался мой путь к Нобелевской премии. Я был молод и горяч, но уже тогда искра таланта ослепляла всех вокруг. От судьбы не уйдешь». Да, деньги он потратит с пользой для дела, купит автомобиль дочке или, быть может, украшение жене. Остальное, конечно, на благотворительность. А жена у него будет самая красивая. Чтобы все смотрели и думали: и почему ему так повезло? Ведь, быть может...

Быть может, подумал он, это Таня, с которой у него было нечто особенное два года назад, решила сделать эдакий романтичный жест и напомнить о себе в письме, а заодно предложить никогда более не расставаться, попутно признаваясь в совершенных ошибках и каясь, что раньше не поняла, какой он замечательный...

Парень споткнулся. Большой палец левой ноги загорелся. «И какой же я все-таки неловкий», — подумалось ему, но на лице затерялась неясная улыбка. И было чему улыбаться! Столько надежд обещала исполнить синяя вывеска с белыми буквами, что кокетливо выглядывала из переулка.

Он приложил холодные руки к щекам. Но не щеки грели руки, а руки успокаивали щеки.

— Надо прийти в себя!

Ветер лизнул лицо, словно шершавым фиолетовым языком чау-чау.

— Что за дрожь в голосе, что за неуверенные повадки? Разве так разговаривают с почтальоншами будущие лауреаты всевозможных премий? Соберись, тряпка! — Так он говорил сам себе, когда засунул письмо в карман и пошел домой. Шла нешуточная битва между желанием вскрыть конверт немедленно и сделать это в уютной и привычной обстановке комнаты. Как и во всех жестоких боях, победу одерживала то та, то эта сторона, но наконец стал выявляться лидер. Молодой человек сел на лавочку во дворе и разорвал девственную плоть

Милые люди

белоснежного конверта, даже не посмотрев на имя отправителя.

В подъезд заходил не юноша, но мешок картошки с печалью деда в глазах.

— От кого письмо?

— Мам, да из пенсионного фонда, я же курьером устроился недавно на подработку.

Из комнаты парня спустя пятнадцать минут доносились жалкие всхлипывания. Но если бы ты подошла поближе, то могла бы услышать, как клацала клавиатура ноутбука.